

Когда Пан распрощался с Гилдероем Локхартом, стрелки часов уже приближались к пяти вечера. Снейп так и не появился. Пан стоял посреди улицы, раздумывая, что делать дальше. До сих пор из всего школьного списка он обзавелся лишь учебниками. Разумеется, многие вещи можно было отыскать в Выручай-комнате — в былые времена он оставил там немало всякого хлама, — но только не палочку. Настоящую волшебную палочку, которая послужила бы надежной ширмой, магия Выручай-комнаты сотворить не могла, ведь это противоречило законам алхимии. А она была ему необходима. Нынешняя ясеневая палочка Пана не числилась в архивах Министерства магии, а ему требовалось официально зарегистрированное оружие, чтобы избежать лишних расспросов в будущем. Выбор был очевиден: придется идти к Олливандеру. Иного пути не оставалось.

Поразмыслив, Пан решительно выбросил из головы уговор со Снейпом. Лавка Олливандера находилась буквально в двух шагах от «Флориш и Блоттс». Если декан Слизерина выберется из Лютного переулка, Пан наверняка заметит его, если только тот не решит воспользоваться каминной сетью или трансгрессировать прямо на месте. Купить палочку было первоочередной задачей. Приняв решение, мальчик резко повернулся и переступил порог знаменитой — и по-своему пугающей — лавки.

Старик Олливандер в это время бережно перебирал коробки. Каждая палочка в его лавке была сокровищем, обладала собственным нравом и ждала того единственного волшебника, с которым разделит будущую славу. Олливандер помнил каждую из них. Даже те, что давно обрели хозяев, он мог описать до мельчайших подробностей — длину, гибкость, сердцевину и характер. Пожалуй, в этом и заключался величайший дар Мерлина, ниспосланный роду Олливандеров: создавать судьбы этих хрупких проводников магии и становиться свидетелями их свершений. Ведь если у волшебников есть своя история, то и у их палочек она, несомненно, тоже есть.

С самого утра лавку осаждали толпы первокурсников Хогвартса — шумные, восторженные, полные надежд и скрытого тщеславия. Олливандер обожал эти моменты. Ему доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие вкладывать застоявшуюся силу в робкие детские руки и наблюдать, как пространство вокруг взрывается искрами или закручивается вихрем. Маги, и юные, и умудренные опытом, часто недолгоблывали эту его причуду, считая старика чудаком. Но каково палочкам, годами, а порой и столетиями томящимся в тесных картонных футлярах? Олливандер считал своим долгом дать им немного порезвиться, позволить слегка подразнить будущего великого министра или грозного аврора. Мало кто в мире мог похвастаться тем, что в свое время заставил понервничать самого Того-Кого-Нельзя-Называть, когда тот был еще обычным мальчишкой. И плевать, что после таких примерок лавка выглядела так, будто по ней прошелся ураган. Счастье его пропыленных сокровищ было важнее всего. Именно поэтому здесь царил незыблемый закон: не волшебник выбирает палочку, а палочка — волшебника. Только так, и никак иначе.

Однако сегодня...

Раздался мелодичный звон колокольчика — дверь снова отворилась. Сгущались сумерки. Летнее солнце на улице еще неохотно уступало свои права, но здесь, внутри, уже воцарился полумрак. Лишь редкие косые лучи заката прорезали темноту, высвечивая танцующие в воздухе пылинки. Покой и движение, свет и тень — излюбленная атмосфера для дремлющего дерева и дремлющей магии. И самого мастера, разумеется.

— О, добро пожаловать! Не думал, что в такой поздний час ко мне еще кто-то заглянет, — раздался тихий, слегка надтреснутый голос.

Олливандер мягко спустился на стремянке к прилавку. Из полумрака навстречу ему повернулся мальчик с платиново-белыми волосами. В тусклом вечернем свете в его озерно-зеленых глазах блеснула невероятная, почти хрустальная чистота. От этого пронзительного взгляда у старика невольно перехватило дыхание.

— Здравствуйте, мистер Олливандер, — вежливо произнес Пан.

Он аккуратно прикрыл за собой дверь и повернулся к знаменитому мастеру. В жилах Олливандеров текла доля гоблинской крови, даровавшая им завидное долголетие, так что за двадцать один год, что они не виделись, старик ни капли не изменился — все тот же растрепанный, эксцентричный вид.

Мастер заставил себя стряхнуть оцепенение. Мальчик пробуждал в нем странные чувства. Было в его облике что-то неуловимо знакомое, хотя память Олливандера, обычно безупречная, тщетно пыталась отыскать хоть какую-то зацепку. Старик понимал, что никогда раньше его не встречал — такого ребенка забыть невозможно. Его взгляд... Детские глаза всегда чисты, но у этого мальчика чистота была иной. Не наивное неведение младенца, а глубокая, осознанная ясность человека, познавшего мир, но сумевшего сохранить верность самому себе. За свою долгую жизнь Олливандер не встречал ничего подобного.

— О, платиновые волосы... Совсем как у юного наследника Малфоев, которого я видел в прошлом году. Но я знаю, что вы не из них. Ваш благородный оттенок не имеет ничего общего с заурядным семейством Малфоев, пусть даже они и кичатся своим аристократизмом.

Олливандер спустился на пол и вплотную приблизился к мальчику. Он широко раскрыл свои блеклые, почти лишенные зрачков глаза, лицо оказалось так близко, что кончики их носов едва не соприкоснулись. Полушепот мастера звучал вкрадчиво, но за этим мнимым безумием скрывалась острая пронизательность. Старик не знал наверняка, кто перед ним, но его чутье безошибочно улавливало колоссальную разницу между этим ребенком и изнеженными лордами.

— Да-да, мне неизвестна ваша фамилия, я не помню дня вашего рождения, но готов поручиться: за вашими плечами стоит древний, сокрытый от мира род. Только такие затворники способны ускользнуть от взора Олливандера. А скрытые династии, как нам обоим известно, таят в себе великую силу. Поистине великую!

Пан сохранял на лице маску вежливой отстраненности. Его ничуть не задели и не удивили слова старого мастера. Род Олливандеров, благодаря своей полугоблинской природе и древним обетам, обладал монополией на изготовление палочек в Британии и интуитивно предугадывал рождение каждого волшебника, заранее готовя для него заготовки. Разумеется, сам Пан нарушал этот предначертанный порядок. Впрочем, древний Контракт связывал Олливандера куда сильнее, чем тот мог предположить. Старик просто не мог вспомнить, как двадцать один

год назад этот же человек уже переступал порог его лавки и унес с собой яшмовую палочку. Магия Контракта стирала эти воспоминания без следа. Очевидно, даже полукровки были бессильны перед древними соглашениями.

— Полноте, мистер Олливандер, — мягко прервал его Пан. — Я пришел вовсе не за тем, чтобы обсуждать мою родословную. Мне нужна палочка. Новая палочка, которая признает меня хозяином.

— О, разумеется! — встрепенулся старик. — Волшебнику необходима палочка. Его верный друг, соратник, готовый делить с ним и смертельные опасности, и миги триумфа.

Олливандер послушно отступил, не став допытываться дальше. За долгие десятилетия через его руки прошли тысячи магов всех сословий и мастей. Мастер прекрасно знал, когда нужно промолчать, а когда — придержать язык за зубами. Будь его воля, он бы с гордостью поведал мальчику, как когда-то сам изготовил и вручил палочку юному Реддлу, ставшему впоследствии Темным Лордом, но сейчас подобные разговоры были опасным табу.

— Но для начала... мне нужно узнать ваше имя, молодой человек.

— Пан. Пан Джесас, — негромко ответил мальчик.

— Джесас... — протянул Олливандер, пробуя незнакомое слово на вкус. — Хм... В наших краях такая фамилия не звучит. И все же... в ней чувствуется дыхание глубокой древности. Дайте-ка подумать...

Старик медленно обошел вокруг Пана, что-то непрестанно бормоча себе под нос.

— Да, да... Я чувствую это. Не знаю почему, но они жаждут пойти за вами. Но тут нужен обоюдный выбор. Сначала они признают вас, а потом уже вы подчините их своей воле... Древняя кровь, наделенная редким правом самостоятельно вершить судьбу... Как жаль... Больше мне ничего не разглядеть. Скрыто, все скрыто...

Олливандер кивнул собственным мыслям и вернулся за прилавок.

— Что ж, покой нам только снится. Будьте добры, протяните мне вашу рабочую руку. Даже если сотни палочек готовы признать в вас господина, забрать их все вы не сможете. Мы должны найти ту единственную, идеальную.

Пан протянул правую руку. Мастер принялся орудовать своей волшебной лентой, измеряя расстояние от плеча до пальцев, ширину запястья, длину фаланг и даже форму ногтей. Серебряная лента летала сама по себе, пока Олливандер задумчиво перебирал варианты. Наконец его лицо прояснилось.

— Потрясающе! Вам подходят очень многие инструменты, они буквально тянутся к вам. Но вы, я вижу, хозяин требовательный, полумерами не ограничитесь. Что ж, начнем примерку! Как вам вот эта? Длина одиннадцать дюймов, остролист и волос единорога. Остролист — дерево чистоты, верности и гармонии с природой, а единорог — благороднейшее из созданий. Эта палочка потянулась к вам первой. Думаю, ее привлекла глубина ваших глаз — таких же чистых, как первозданная лесная чаща...

Пан слушал бесконечную тираду мастера вполоборота, снисходительно улыбаясь. Он прекрасно понимал страсть старика к своему ремеслу и не собирался его перебивать. Однако, бросив случайный взгляд на витрину, мальчик замер. За стеклом лавки Олливандера, прямо напротив окна, неподвижно стояла высокая темная фигура.

Северус Снейп. Змеиный король подземелий сверлил его мрачным, тяжелым взглядом из-под черных прядей волос.

«Похоже, я опять умудрился его рассердить, — усмехнулся про себя Пан. — А ведь когда-то, в бытность его студентом, он не навел столько ужаса на окружающих»

Не желая затягивать процесс, Пан негромко, но четко произнес:

— Ацио, палочка!

Олливандер не успел и рта открыть, как из глубины бесконечных стеллажей со свистом вылетела узкая коробочка. Крышка сорвалась в полете, и старая, грубоватая на вид палочка послушно легла прямо в раскрытую ладонь мальчика. По комнате разлилось мягкое золотистое тепло. Выбор был сделан.

— Сколько с меня? — быстро спросил Пан.

Не дожидаясь ответа ошеломленного мастера, он выложил на прилавок семь золотых галлеонов и поспешил к выходу. Колокольчик над дверью заполошно зазвонил, провожая торопливого покупателя.

— Тринадцать с половиной дюймов... береза... сердцевина из чешуи цилиня, омытой его же кровью... Древнее творение, — потрясенно прошептал Олливандер, глядя сквозь стекло на улицу.

Там, в вечерних сумерках, платинововолосый мальчик уже что-то горячо объяснял хмурому мастеру зелий. Старик на секунду нахмурился, словно сию секунду поймав за хвост ускользающую мысль, а затем резко развернулся и бросился раскапывать самые пыльные, заброшенные стеллажи в глубине лавки. Впрочем, его странное поведение сейчас никого не волновало.

Снейп молча наблюдал за тем, как Пан торопливо спускается по ступеням лавки Олливандера. В голове зельевара еще свеж был разговор, состоявшийся не далее как час назад в тихом углу кафе.

— Северус, друг мой, я прекрасно понимаю, ради чего ты назначил мне встречу, — Люциус Малфой вальяжно откинулся на спинку стула и слегка вздернул подбородок. Его голос, как обычно, журчал неторопливой, высокомерной светской беседой. — Однако я полагал, что ты приведешь этого юношу с собой. В конце концов, разве не ты первый заподозрил в нем... неофициального отпрыска нашего благородного семейства?

Этот вкрадчивый тон, обычно оставлявший Снейпа равнодушным, сегодня откровенно раздражал.

— Значит, Люциус, ты готов признать его братом Драко? Прекрасно, давай прямо здесь соберем репортеров из «Ежедневного пророка»! — съязвил Снейп, проигнорировав любопытные взгляды посетителей за соседними столиками. Ему было глубоко наплевать, сколько ушей греется вокруг. Время поджимало, а Малфой, мало того что безбожно опоздал, так еще и пытался увильнуть от прямых ответов. — Но позволь напомнить: твое положение сейчас шатко как никогда. Твоя хваленая аристократическая бледность изрядно подпорчена весьма недвусмысленным синяком под глазом. Уверен, пресса с восторгом распишет подробности твоего теплого семейного приема у Нарциссы. Как тебе заголовок? «Семейные тайны Малфой-мэнора: почему лорд Малфой стоит на коленях перед супругой»?

— Да уж, дружелюбие из тебя сегодня так и брызжет, — поморщился Люциус.

Он скользнул взглядом по Драко, который сидел чуть поодаль и затаив дыхание ждал вердикта отца. Малфой-старший вздохнул: скрывать правду дальше не имело смысла. Взмахом трости он наложил на столик плотное заглушающее заклятие и заклинание против подслушивания. Сделав небольшой глоток остывающего кофе, Люциус заговорил уже совершенно иным, серьезным тоном:

— Он не принадлежит к роду Малфоев, Северус. Как бы ни уязвляло это мою гордость, вынужден признать: если бы этот мальчик действительно оказался моим сыном, это было бы чересчур великой честью для нашего семейства.

— Тебе известна фамилия Джесас? — Снейп нахмурился.

— Нет, — покачал головой Люциус и поспешил продолжить прежде, чем зельевар успеет выдать очередную порцию яда. — Начнем с того, что среди волшебников такой фамилии никогда не существовало. И я сильно сомневаюсь, что его настоящий род зовется именно так.

— Поясни.

— О его происхождении я могу судить лишь по цвету волос. Точно так же, как все вы

безошибочно узнаете Малфоев по платиновой шевелюре. Только в его случае этот оттенок указывает на чистейшую кровь древних эльфов. Ты ведь помнишь, Северус, что в наших жилах течет кровь вейл? Именно благодаря ей Малфои щеголяют своим цветом волос. В незапамятные времена вейлы были обособленной ветвью эльфийского племени — так называемыми ночными эльфами. Позже они стали вступать в союзы со смертными, так и появились современные вейлы. Три цвета волос — золотой, платиновый и серебряный — неоспоримое свидетельство унаследованной эльфийской магии.

Золотой оттенок знаменует прямую родовую передачу силы. Это самый мощный тип наследования. Получив признание сородичей, такой волшебник в критический момент может напрямую воззвать к магии эльфийского народа. Однако этот дар крайне нестабилен. Стоит прерваться прямой преемственности поколений, и сила угасает навсегда. Яркий пример — угасающий род Локхартов.

Платиновый цвет передается на уровне крови. Этот дар выражается в колоссальном запасе магической энергии. Он не так сокрушителен, как золотой, зато невероятно стабилен. Но кровь со временем неизбежно размывается, унося с собой и резервы магии. Именно поэтому Малфоям приходится раз в несколько поколений искать союза с чистокровными вейлами. Только так мы поддерживаем концентрацию эльфийского наследия — и, разумеется, сохраняем наш фамильный цвет волос.

Серебряный же отлив сулит носителю лишь эльфийское долголетие и неземную красоту, но не дает магических преимуществ. Таким даром обладали ныне угасшие Транша. Всю эту занимательную информацию я почерпнул на днях в заброшенном крыле нашего поместья, раскопав полусгнившую рукопись под названием «Основы эльфийского наследия рода Малфоев». Ее едва мыши не сожрали.

Люциус перевел дух и добавил:

— А теперь о том, почему я заговорил о «высоком полете». Вейлы издавна связаны с моим родом магическими контрактами. Но у мальчика платина иного свойства. Его род обласкан самими эльфийскими владыками. Фамилия Джесас не на слуху, но глупо предполагать, будто парень выдумал ее, чтобы пустить пыль в глаза Дамблдору. Тем более что Книга приема Хогвартса, чьи записи невозможно подделать, сама вывела его имя. Значит, мы имеем дело с закрытым, невероятно древним кланом. А подобные семьи, как известно, славятся не только дурным нравом, но и сокрушительным могуществом.

Платиновые волосы, благословение эльфийской крови... Неужели догадка Дамблдора верна, и Пан действительно потомок лесных эльфов?

Снейп вынырнул из воспоминаний. Перед ним стоял запыхавшийся мальчик. Лицо Пана по-прежнему хранило печать безмятежного спокойствия, маскируя любые эмоции. Разум профессора соглашался с выводами Люциуса, но интуиция, отточенная годами шпионажа, кричала, что все эти эльфийские тайны — лишь верхушка айсберга. Но где тогда скрыта истина?

— Господин Джесас, — зашипел Снейп, и его голос зазвучал опасным шепотом. — Смею надеяться, ваше крошечное подобие мозга не расплавилось под лучами заходящего солнца. Или, быть может, вы наложили на себя Обливиэйт и начисто лишились памяти, уподобившись тупоголовому горному троллю? Насколько я помню, вам было велено дожидаться меня у входа во «Флориш и Блоттс». Каким же образом вы оказались здесь?

Заметив мертвенную бледность и явные следы усталости на лице Пана, зельевар разозлился еще сильнее. Он помрачнел от гнева. Этот невыносимый мальчишка умудрился за пару часов полностью растратить скудные силы, которые они с таким трудом восстанавливали весь последний месяц! Пан, кажется, напрочь забыл, что все лето сидел на укрепляющих микстурах и только сегодня перенес тяжелейшую дорогу обратно в замок.

Снейп ведь специально согласился перенести его трансгрессией, избавив от тряски в душных магловских автобусах и такси, лишь бы поберечь его хрупкое здоровье и сэкономить ценные восстанавливающие зелья. А этот паршивец вел себя так, будто обладал выносливостью кентавра! Хотя выносливости у него не было ни на крон — разве что упрямство истинно тролльского масштаба.

— Простите, сэр, — без тени раскаяния произнес Пан.

Он действительно нарушил приказ, но не ожидал от профессора столь бурной реакции. Неужели Северуса так задело неповиновение?

— Моя старая палочка сломалась в лесу, когда я навещал родных. Мне необходимо было обзавестись новым проводником до начала учебного года. Я не думал, что подбор затянется так надолго.

Пан мельком глянул на уличный циферблат. Стрелки показывали половину седьмого. Летнее солнце обмануло его — день казался бесконечным, а время пролетело незаметно.

— Подумать только, господин Джесас умудрился лишиться палочки всего за один учебный год! — ядовито процедил Снейп. — Вы возомнили себя великим чародеем? Или решили уподобиться одному самовлюбленному павлину, который считает, будто для сотворения магии достаточно эффектно помахивать авторучкой?

Было очевидно, что зельевар просто срывает на нем злость. Виной тому, скорее всего, стал Дамблдор, который в очередной раз отклонил его кандидатуру на должность преподавателя Защиты от Темных искусств, отдав предпочтение... скажем так, напыщенному шуту.

Пан промолчал, опустив ресницы и скрыв выражение своих глубоких зеленых глаз. Высокое положение в прошлой жизни отучило его оправдываться перед кем бы то ни было. Даже ради Снейпа он не собирался пускаться в долгие объяснения. Одного раза было вполне достаточно. Примет декан его слова или нет — его личное дело.

— Начиная с первого дня семестра, вы назначаетесь на отработки и дополнительные занятия, — тоном, не терпящим возражений, отрезал Снейп. — Каждый понедельник и среду, ровно в восемь вечера. Это скромная плата за ваше сегодняшнее самоуправство.

Зельевару хватило самообладания не раздувать конфликт дальше. Он сухо кивнул, и на этом инцидент был исчерпан. По крайней мере, Пан искренне на это надеялся.

<http://bllate.org/book/18188/1761873>